

О, это 321 вернулся.

— Господин, Управление проверило все системы, обладающие самосознанием. Никаких следов пропажи или повреждений. Значит, система главной героини была создана не Главным Богом!

321 буквально расцветал, перекатываясь в воздухе от радости. Ни одна система не предала Главного Бога! Все они оказались верны своим принципам! Как же это замечательно!

— Ты молодец, 321. Благодарю за труды.

Цинь Жань разрывался между двумя делами: ожиданием, пока возлюбленный приведет мысли в порядок, и общением с системой.

— А у Бай Цзэ есть подозреваемые?

Системы с самосознанием слишком важны. В умелых руках они — словно мобильный Небесный Путь, а в неумелых — детонатор для разрушения миров.

— Господин Бай Цзэ подозревает некоторых великих демонов, способных перемещаться между мирами. Он велел нам, если поймает их, немедленно доставить в Управление для допроса.

— Понял. Ступай, 321.

Услышав слова Цинь Жана, 321 взглянул на юного генерала, сидевшего напротив, и понял: тот сейчас заговорит.

— Слушаюсь, господин.

— Ваше Высочество, вы не планируете восстание? — Гу Чэн немного помолчал, прежде чем задать вопрос. Сердце всё же было не на месте.

Император Чэнь и наследный принц — фигуры не из простых. Стабильность Великой Цинь держится на их совместных усилиях. Если отец и сын пойдут друг против друга...

— Не планирую!

Цинь Жань убрал с лица привычную мягкую улыбку.

— Милый, ты слишком много думаешь. И я, и мой отец живем ради Великой Цинь, и именно поэтому между нами не может быть конфликта. К тому же, он мой отец.

Отец, который вырастил его своими руками и всем сердцем его любил.

— Я понял.

Гу Чэн успокоился, осознав, что Император не станет враждовать с принцем.

— Я хотел открыться тебе и рассказать о своих силах, но, кажется, только всё испортил.

Цинь Жань усадил его к себе на колени и принялся то и дело целовать в щеку, словно смакуя изысканное лакомство.

— Нет, я просто забеспокоился о Вас. Хотя... кажется, Вы уже привыкли к безграничному доверию Его Величества.

Такое доверие — это то, что не каждый осмелится принять.

— Хм, моя мать скончалась, когда мне было пять лет, и с тех пор отец забрал меня жить к себе. Мое мировоззрение, кругозор, методы управления и стоящие за мной силы — всё это отец готовил для меня с самых малых лет. Поэтому я привык к его дарам и доверию.

Всё, что окружало Цинь Жаня с детства, проходило через строгий отбор Императора Чэня. По сути, Император вырастил вторую копию самого себя.

— Как насчет того, чтобы сходить на рынок?

Гу Чэн замялся, не зная, стоит ли говорить:

— А это не опасно?

— Если меня попытаются убить даже в Сяньяне, то всех этих чиновников придется казнить за нерадивость.

Поняв опасения возлюбленного, Цинь Жань слегка прикусил его за щеку. Он не хотел доставлять другим лишних хлопот, но и запирается в четырех стенах до конца жизни не собирался.

Гу Чэн прикрыл рот рукой и согласно кивнул. Пойдемте скорее.

Городской рынок.

У городских ворот они отпустили солдат, оставив лишь пятерых охранников, которые рассредоточились вокруг, что значительно облегчило прогулку. Простые радости жизни лучше всего успокаивают душу. Оба они обычно находились под строгим присмотром, поэтому, даже несмотря на обычный день, они наслаждались свободой.

— Гэ-эр, хочешь это?

— Потрудитесь, хозяин, дайте нам это, спасибо.

— Жань-гэ, я больше не хочу это есть.

— Отдай мне.

— Это нехорошо, может, выбросить?

— Слишком расточительно, отдай мне.

— Ваше Высочество, там так шумно!

Гу Чэн внезапно остановился и потянул Цинь Жаня за рукав. Было очевидно, что он хочет посмотреть.

Шумное событие?

— 321, что там происходит?

Цинь Жань мог бы воспользоваться духовным чутьем, но в малых мирах системы были куда

практичнее, ведь их никто не воспринимал как чужеродный элемент.

— Господин, там один человек заставляет другого проползти у него между ног, иначе грозит не дать ему ничего продать.

Какой негодяй! 321 пожелал ему подавиться собственной наглостью!

— Хорошо, спасибо.

Цинь Жань кивнул своему возлюбленному, который уже рвался в гущу событий. Что поделать? У него такая слабость. Приходится потакать.

— Парень, не слушай его! Обычный бездельник, решил сегодня покрасоваться.

— Ли Лао-сы, ты совсем совесть потерял? Как земля таких носит!

— Они нас вообще ни во что не ставят? С каких пор эти бродяги стали такими наглыми?

— Мое терпение лопнуло, я сейчас...

Двое, едва подойдя, тут же оказались оглушены потоком ругани.

— Уважаемый, что здесь происходит?

Гу Чэн протянул мужчине рядом нетронутое лакомство. Тот взглянул на их богатые одежды: люди знатные, могут помочь парню. Он не стал отказываться, взял угощение, решив отдать его детям.

— Да всё этот Ли Лао-сы, бессовестная тварь. Парень торгует товаром, а этот завидует, что у того дела идут хорошо, вот и насылает каждый день хулиганов. Парень не выдержал и пришел разобраться, а этот негодяй мало того что не просит прощения, так еще и требует проползти у него между ног, иначе обещает и дальше портить жизнь.

Мужчина был человеком горячим, ему самому хотелось вмазать этому подонку, но у него семья, дети, престарелые родители... За драки в Великой Цинь полагались суровые наказания, для простого люда — неподъемные штрафы.

— Почему они не обратятся к властям? — недоумевал Гу Чэн.

— Эти люди хоть и мешают торговле, но по факту вред невелик. Если их и арестуют, через пару дней они снова окажутся на свободе.

Цинь Жань взял на себя объяснения. Гу Чэн был гэ-эром и мало смыслил в юридических тонкостях, а после вступления в армию его интересовали лишь стратегии ведения боя. Единственное, что приходило ему в голову — надеть на обидчика мешок и хорошенько проучить.

Цинь Жань взглянул на молодого торговца: тот умел сдерживать гнев, был явно обучен боевым искусствам и обладал особой внутренней силой. Настоящий талант.

— Парень, бей его! Штраф я за тебя заплачу!

Гу Чэн и окружающие:

Чжао Синь, услышав призыв, обернулся. Впрочем, не только он — все вокруг уставились на них. Цинь Жань сделал жест рукой, указывая на Ли Лао-сы.

— Твоя мать... — начал было тот, но не успел договорить: Чжао Синь ударил его в челюсть, и лицо мерзавца раздулось.

Поняв, что за него заплатят, Чжао Синь перестал сдерживаться. Он бил так, чтобы нанести максимум урона, не переходя черту, за которой следовало бы суровое тюремное заключение. Ли Лао-сы рухнул без сознания.

Довольно жестко. Цинь Жань подумал, что это может стать приятным сюрпризом.

Гу Чэн, обожающий зрелища, выглядел даже более взволнованным, чем сам Чжао Синь:

— Сильнее! Бей его сзади!

— Сейчас будет атаковать, осторожнее!

— Парень, ты хорош! Жаль, что не в армии служишь!

Люди вокруг вторили ему, многие были готовы сами броситься в драку. Законы Великой Цинь поощряли вмешательство в несправедливость, а годы войн сделали народ сплоченным и решительным.

Когда прибыли стражники, Цинь Жань оплатил штраф за Чжао Синя.

— Благодарю вас, господин, я в неоплатном долгу.

Если бы не они, всё могло закончиться куда хуже.

— Пустяки, сущая мелочь. Даже если бы мы не вмешались, с тобой бы ничего не случилось.

Чжао Синь почувствовал на себе взгляд Цинь Жана и ощутил, будто его читают как открытую книгу. Гу Чэн же видел в нем отличного новобранца: решительного, хладнокровного и сильного.

— Эй, не хочешь пойти в армию? Если бы ты служил, подобное сегодня просто не могло бы произойти.

Великая Цинь строилась на военной доблести, и к воинам здесь относились с особым почтением.

— Благодарю за совет, господин, но у меня престарелая мать, за которой нужен уход.

У гэ-эров на теле всегда была красная родинка, и у Гу Чэна она была в уголке глаза. Ее не скрыли, и она сразу бросилась в глаза.

— Смеем спросить ваши имена, я когда-нибудь обязательно отплачу за доброту.

Чжао Синь понимал, как дерзко это звучит, но говорил искренне. А вдруг?

— Цинь Жань.

— Гу Чэн.

Они обменялись взглядами и не стали скрывать своих имен.

Наследный принц!

— Малый народ...

Чжао Синь тут же хотел опуститься на колени, но рука Цинь Жаня остановила его.

— Не нужно. Мы просто гуляем, не стоит устраивать здесь целое представление.

Ваше Высочество, кто же заставил меня так поступить?

Чжао Синь был коренным жителем Цинь, чья семья некогда имела вес, и он всегда глубоко уважал принца. Раньше он не мог рассчитывать даже на встречу с ним, а теперь, когда сам оказался в нищете, судьба свела их вместе.

Чжао Синь лишь вздохнул.

Они еще немного поболтали, и вскоре на город опустились сумерки. Расставшись с парнем, Цинь Жань и Гу Чэн сели в карету.

— Милый, тебе приглянулся Чжао Синь?

Вопрос прозвучал как утверждение.

— Не то чтобы приглянулся. Просто он отличный кандидат для армии, я хочу завербовать его.

— Маленький генерал, вербующий таланты, — неплохо, совсем неплохо.

<http://bllate.org/book/21555/2217661>